ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-7-35

СОЦИОЛОГИЯ КАК ПРОЕКТ ЭПОХИ МОДЕРНА

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Социология — необычная наука. Ее современное состояние многие авторы называют "парадоксальным", другие авторы говорят о кризисе этой науки. В статье социология представлена как проект эпохи модерна. Такая интерпретация способна объяснить многие противоречия и эклектичные результаты ее развития.

Социология как проект, инициированный О. Контом, заключался в соединении социальной философии и эмпирики. Последняя была представлена социально-экономической статистикой и опросами населения, которые проводились в соответствии со здравым смыслом представителями государства и частными лицами. Проект был нацелен на то, чтобы из этих разных по своей природе элементов создать цельную науку, построенную по принципу естественных наук, т.е. представляющую собой единую иерархию — от самых общих идей до конкретных вычислений.

Такую единую иерархию создать не удалось. В статье рассматриваются причины такой ситуации и отдельные результаты, достигнутые в процессе реализации проекта.

Результаты социологического проекта можно условно разделить на пять групп: 1) частные закономерности, мало что говорящие об обществе в целом; 2) конкретные методы эмпирических исследований, дающие точные результаты в сфере политики, маркетинга, управления человеческими ресурсами и др.; 3) результаты, достигнутые детерминистскими теориями; 4) социологические антиномии; 5) "отрицательные результаты, которые также являются результатами" и приводят к осознанию принципиальной неприменимости научных методов к определенным областям социальной реальности. Несмотря на то что цель проекта оказалась недостижимой, к этим результатам необходимо относиться с пиететом, ведь за ними стоит труд выдающихся ученых, называвших себя социологами, а некоторые из них способны реально улучшить жизнь людей.

Сегодня социология теряет свою монополию на продуцирование полезных знаний об обществе, а ее структура начинает представлять собой

* **Барков Сергей Александрович**, e-mail: barkserg@live.ru

нечто похожее на выставку идей в социальной философии и достижений в эмпирических исследованиях общества.

***Ключевые слова**: социология, эпоха модерна, социальная философия, эмпирика, антиномия, детерминизм, выставка идей.*

SOCIOLOGY AS A PROJECT OF MODERNITY

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

Sociology is an unusual science. Many authors call its current state "paradoxical", other authors speak about the crisis of this science. The article presents sociology as a project of the modern era. This interpretation can explain many of the contradictions and eclectic results of its development.

Sociology as a project initiated by O. Comte was to combine social philosophy and empiricism. The latter was represented by socio-economic statistics and surveys, which were carried out in accordance with common sense by representatives of the state and other people. The project was aimed to create from these elements, different in nature, an integral science, built on the principles of natural sciences, i.e. representing a single hierarchy — from the most general ideas to concrete calculations.

This project failed. The article discusses the reasons for this situation and different results of the project.

The results of the sociological project can be conditionally divided into five groups: 1) "small" particular laws that say little about society as a whole; 2) specific methods of empirical research that yield accurate results in the fields of politics, marketing, human resource management, etc.; 3) the results achieved by deterministic theories; 4) sociological antinomies; 5)"negative results, which are also results" and lead to the comprehension of the fact, that there are some areas of social reality, to which scientific methods are radically inapplicable. Despite the fact that the goal of the project turned out to be unattainable, these results must be treated with reverence, because they are the work of outstanding scientists who called themselves sociologists, and some of them are really able to improve people's lives.

Today sociology is losing its monopoly on the production of useful knowledge about society, and its structure is beginning to be something like an exhibition of ideas in social philosophy and achievements in empirical studies of society.

***Key words**: sociology, the modern era, social philosophy, empiricism, antinomy, determinism, exhibition of ideas.*

Социология представляет собой необычный микс из различных направлений исследований, методологий, личных амбиций и отдельных проектов. Порой может показаться, что под этим названием сосуществуют совершенно разные науки и исследователи, занятые абсолютно несхожей деятельностью. Такое впечатление может в пер-

вую очередь сложиться в головах современных студентов, прослушавших курс социологии. Как и многие другие гуманитарные курсы, он условно делится на историю и современность — на эволюцию знания в данной сфере и современное его состояние, определяющее возможность использовать что-то из познанного на практике. Так вот в плане истории социологии студенты изучают множество достаточно абстрактных, непосредственно связанных с философией концепций, ставящих некие глобальные вопросы о человеке и обществе. А в рамках изучения современного состояния, как правило, они выполняют конкретное исследование, опросив своих знакомых и незнакомых людей о вполне конкретной социальной проблеме — поведении молодых водителей, употреблении наркотиков, выборе профессии и т.п. Такое странное сочетание теории и практики у вдумчивого студента может вызвать понятное недоумение.

Парадоксальное состояние современной социологии отмечали многие авторы[1], а о кризисе этой науки дискуссии ведутся уже несколько десятилетий[2]. И все же открытым остается вопрос о том, почему у социологии такая странная структура знания? Каким образом возникла ситуация явного нарушения логики в представлении результатов, которых достигла наука, по своей природе нацеленная на соблюдение всех логических законов? Ответ на эти и многие смежные вопросы заключается в том, что социология не является наукой в привычном смысле этого слова, (наукой, рассчитанной на вечное существование), она скорее представляет собой особого рода проект эпохи модерна. Проект этот в полной мере реализовать не удалось, и сегодня социология обозначает лишь очень размытую сферу исследования и набор предметов — мыслительных и реаль-

---

[1] См., в частности: *Рывкина Р.В.* Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 197–208; *Турченко В.Н.* Парадоксы и парадигмы современной социологии // Социология в Сибири: состояние и перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-теоретической конференции, состоявшейся в Новосибирском государственном архитектурно-строительном ун-те. Новосибирск, 2003. С. 64–85; *Пузиков В.Г., Турченко В.Н.* Социология: кризис и парадоксы // Омские социально-гуманитарные чтения — 2015. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Под ред. Л.А. Кудринской. Омск, 2015. С. 119–127; *Krieken R., van.* The paradox of the 'two sociologies': Hobbes, Latour and the Constitution of modern social theory // Journal of Sociology. 2002. Vol. 38. N 3. P. 5–273; *Riley D.* The paradox of positivism // Commentary. 2007. Vol. 31. N 1. P. 115–126; *Turner S.* American sociology: from pre-disciplinary to post-normal. Basingstoke, 2014.

[2] *Gouldner A.W.* The coming crisis of Western sociology. N.Y., 1970; *Lopreato J., Crippen T.* Crisis in sociology: the need for Darwin. N.Y.; L., 1999; What is wrong with sociology? / Ed. by S. Cole. New Brunswick, 2000; *Summers J.H.* The end of sociology? // Boston Review. 2003. N 28(6). URL: http://bostonreview.net/BR28.6/contents.html (accessed: 10.03.2020); *Smelser N.J.* Sources of unity and disunity in sociology // American Sociologist. 2015. Vol. 46. N 3. P. 303–312.

ных. Границы этой сферы определены не логикой, а тем, что удалось сделать в ходе реализации проекта.

По завершении проекта в постиндустриальную эпоху мы во многом возвращаемся к тому состоянию знания, которое было в доиндустриальном обществе, до возникновения социологии как науки. Тогда знания об обществе были распределены между множественными направлениями мыслительной деятельности — как научными, так и ненаучными. Сегодня социология, побывав в роли "вершителя судеб" социального познания, вновь становится просто частью выставки знаний об окружающем нас социальном мире наряду с философией и религией, литературой и искусством, мифологией и обыденным сознанием.

С чего все началось: философия

Понятно, что осмысление общества началось еще в первобытные времена. Еще в мифологических текстах можно найти фрагменты, описывающие и общественные процессы, и поведение личности в обществе, попытки найти некоторые закономерности истории и даже вывести нормы общественной жизни. Более глубокое проникновение в социальную материю происходило в религиозных текстах, начиная с ведических текстов и заканчивая текстами современных протестантов и приверженцев нетрадиционных религий. Здесь, правда, во главу угла был поставлен этический аспект личной и общественной жизни, но в рамках этической проблематики авторы религиозных текстов, коих в совокупности за тысячелетия наберутся миллионы страниц, пытались дать людям полезные знания об обществе и жизни в нем.

Подлинный же успех в абстрактном познании общественных законов наступил с возникновением философии. Начиная с Конфуция и Платона логическая интерпретация того, что происходит в обществе, прочно заняла умы мыслителей на Востоке и Западе. Социальная философия стала неотъемлемой частью интеллектуальной истории человечества. Она прошла с ним через многотысячелетние перипетии развития, всякий раз что-то объясняя и даже пытаясь что-то предсказать. Следует особо отметить, что, несмотря на естественное изменение социальной философии сообразно меняющейся реальности и появление все новых ее методологий и стилей изложения мыслей, ее сущность со времен Древнего мира практически не изменилась. Многие мысли Аристотеля актуальны и сегодня, их приводят в качестве подтверждения своей позиции или спорят с ними. Фактически, социальная философия стала вечным направ-

лением мыслительной деятельности людей, и на нее появление социологии (точнее провозглашение О. Контом того, что наряду и даже в противовес ей появляется новая наука) никак не повлияло.

С чего все началось: статистика, учет и опросы

Как и философия, статистическая деятельность имеет многотысячелетнюю историю. Собственно, самые древние письменные источники — клинописные таблички — содержали много именно статистической информации о выработке рабов и иных работников в Месопотамии[3]. В феодальном обществе актуальными стали различные описи крестьян. Это было важно, прежде всего, с точки зрения сбора налогов и иных многочисленных отчислений с крестьянских хозяйств, а также понимания размера экономических ресурсов для военных действий (рекрутирования солдат и получения материальных ресурсов для нужд армии). По тем же причинам различного рода обсчетам подвергались и городские жители, и купцы. При этом многочисленные сборщики налогов и прочие лица, осуществлявшие статистическую деятельность, всегда могли вместе с вопросами о сегодняшнем состоянии семейных хозяйств, задавать и вопросы о будущем (например, сколько земли планируют распахать в следующем году, и от чего это зависит). Фактически, это было прототипом социологического опроса, построенного в соответствии со здравым смыслом (что часто имеет место и в современной "развитой" социологии).

Другим императивом развития эмпирической социологии в те времена, когда ее так никто не называл, было принятие управленческих решений. Во множестве литературных источников можно встретить такую сцену: правитель страны (или кто-то на менее высоком уровне управления) спрашивает своего советника о том, что думает народ. И тот докладывает ему о тех разговорах, сплетнях и пересудах, которые ведутся в трактирах, кабаках или на площадях. При этом тот самый советник, как можно выразиться сегодня, имел даже некоторое интуитивное представление о репрезентативности своего "интервьюирования населения". Он не должен был знакомить своего владыку или просто начальника с тем, что кто-то один ни с того, ни с сего что-то "брякнул" на постоялом дворе. Он отбирал, хотя и весьма субъективно, именно устойчивые слухи, а также информацию, отражающую реальное положение дел. Таким образом, эмпирические методы социологии в виде наблюдения, опроса и

---

[3]См.: *Меликишвили Г.А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960; *Дьяконов И.М.* Урартские письма и документы. М.–Л., 1963.

интервью имеют незапамятную историю. Просто никто их "социологией" не называл и с какой бы то ни было наукой не соотносил.

Еще в большей степени такого рода "прото-социологические" опросы были востребованы в условиях время от времени возникавших в доиндустриальную эпоху демократий. По всей видимости, и в древнегреческих полисах с демократической формой правления, и в республиках феодальной Европы, и в отечественных боярских республиках с вечевым политическим устройством власти просто не могли обойтись без опросов населения по животрепещущим вопросам, выносимым на голосование. В противном случае они рисковали, что называется, "попасть впросак" со своими управленческими инициативами. Интересно, что в Европе для таких ненаучных, но вполне социологических исследований общественного мнения был даже придуман особый термин — "соломенные опросы" (straw polls). Считается, что его впервые предложил Джон Селден (1584–1654), английский юрист и политик, один из наиболее эрудированных людей своего времени. Он писал: "…возьмите солому и подбросьте ее в воздух — вы сможете увидеть, куда дует ветер". С развитием демократии в Великобритании и США этот термин стал очень популярным, и им стали обозначать опросы населения перед выборами с целью выявления настроений избирателей ("направления политического ветра"). В Америке с ее стабильно функционирующей демократией регулярные "соломенные опросы" проводились с 20-х гг. XIX столетия.

Суть социологического проекта

О. Конт в первой половине XIX в. провозгласил рождение новой науки — социологии[4]. Он скрестил социальную философию и эмпирические социальные исследования. Будучи математиком, верившим в то, что образцом для всех наук являются науки естественные, он решил, что в области познания общества теоретические постулаты должны непременно "вырастать" из эмпирической базы. В физике или химии в то время самые общие закономерности, касающиеся устройства земного мира или даже Вселенной, имели своим источником эксперименты с металлическими шариками или с пробирками. Этот путь развития науки казался незыблемым и единственно возможным. Конт расположил все науки в континууме от математики до социологии, понимая при этом, что объекты у них разные, но веря в то, что их структура должна быть практически одинаковой.

---

[4] См.: *Конт О.* Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. М., 2011; *Он же.* Общий обзор позитивизма. М., 2011.

Еще большую ясность в очертания социологического проекта внес соотечественник и последователь Конта Э. Дюркгейм. Он предложил понятие социального факта. На фактах и должна была базироваться вся социология подобно тому, как на них базируются точные науки. Он резонно полагал, что в общественной жизни наряду со всякими двусмысленностями и разными трактовками одних и тех же событий существуют непреложные истины — факты. Человек пожал руку другому человеку — это факт. В такой-то момент времени кто-то умер — это факт. В другой момент переизбрали президента — это тоже факт. Все инициаторы социологии как науки верили, что этих маленьких фактов, как кирпичиков, достаточно для того, чтобы создать большое полноценное здание науки об обществе. Именно эта вера и оказалась ложной. Из фактов социальной жизни вообще мало что можно логически вывести. И даже из "специально спровоцированных" фактов (данных опросов населения, которые инициировали ученые и которых в самом обществе без их усилий бы не было) ничего, кроме маленьких, отдельных закономерностей, создать не получилось. Вместо величественного здания появилось множество маленьких флигельков или даже собачьих будок.

Интересно, что личный опыт Конта неявным образом подтвердил нереализуемость проекта, как бы проиллюстрировав биологический закон о повторении в онтогенезе (развитии особи — в данном случае ученого) филогенеза (развития рода — в данном случае всего социологического знания). Он начал с призывов уйти в эмпирику и жесткой критики религии и метафизики, которые де изобретали свои сентенции в отрыве от практики. А закончил созданием позитивной религии — мыслительной конструкции, еще более оторванной от практики, чем то, что предлагали его талантливые предшественники, не призывавшие покончить с философией и спокойно работавшие в ее русле.

В области познания общества между фактами и теорией всегда будет громадная пропасть. Построить единую логически выверенную конструкцию, в которой общие законы имели бы однозначное эмпирическое подтверждение, а эмпирические исследования со своими результатами полностью укладывались в то, что диктуют общие правила, не удалось никому. Таких попыток было множество. Кто-то создавал эту конструкцию снизу и не мог достроить верхние этажи. Кто-то строил вершину, но под ней оказывались только фрагменты фундамента. Как это происходило тысячелетия до провозглашения социологии, теоретические размышления об обществе и эмпирические его исследования всегда шли и будут идти параллельными путями. В каждом конкретном случае теоретики и

практики будут иметь свои приоритеты, свои критерии достижения результата, свои ограничения в деятельности.

Примеры союза теории и практики

Попыток эффективно скрестить философскую теорию и данные, отражающие реальные явления и процессы в обществе, бесчисленное множество. Здесь мы приведем только несколько наиболее известных случаев, дав им соответствующую интерпретацию и показав ход мысли ученых, участвовавших в социологическом проекте.

Э. Дюркгейм постарался найти обоснование своим идеям о том, что в человеке самое важное создается общественной средой, т.е. своему методологическому социологизму в исследовании самоубийств[5]. Социологизм — это сугубо философская позиция. Кто-то верит в то, что личность порождается обществом, кто-то — в то, что общество создается людьми, а кто-то — в то, что судьба управляет и отдельными людьми, и обществами. Самоубийство в данном случае выступало в качестве практического примера, соответствующим образом проинтерпретированного. На самом деле, дискуссии о природе самоубийства идут и поныне, и очень многое из того, что накопилось в рамках таких дискуссий практически невозможно трактовать с дюркгеймовской точки зрения. Так, например, долгое время существовал (а во многом заявляет о себе и поныне) так называемый финно-угорский феномен. Финно-угорские народы (финны, эстонцы, венгры, мордва), живущие в принципиально разных социальных условиях в большей степени склонны к самоубийству в сравнении с их соседями. Но логика Дюркгейма бесчисленное количество раз воспроизводилась в рамках социологического проекта, она являет собой логику подбора к философским сентенциям примеров, якобы делающих их не просто красивыми мыслями и символами веры, а частью науки.

М. Вебер в свое время продемонстрировал другой вид союза теории и практики. В своем исследовании протестантской этики как фактора развития капитализма[6] он оттолкнулся от статистических данных, абсолютно точно отразивших общественную реальность Германии. Согласно данным демографической статистики среди предпринимателей этой страны было непропорционально много протестантов (в сравнении с католиками). Такое начало исследования как бы ставило все дальнейшие выводы на подлинно научную основу. Но в реальности эти выводы оказались ни чем иным как

---

[5] *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 2020.

[6] *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 2020.

очередной социально-философской концепцией — оригинальной по содержанию и красивой по форме, но никак не доказательной. Сотни ученых после Вебера спорили и спорят о роли протестантской этики и протестантизма как такового в развитии капитализма. Многие из них вполне резонно задавали вопрос о том, что же заменило протестантскую этику в Японии, когда там очень успешно стал развиваться этот социально-экономический строй. И сегодня протестантская этика стала таким же философским символом веры, как и "тени в пещере" Платона.

Большинство примеров союза теории и практики подразумевали движение мысли от практики к теории сообразно основному познавательному пафосу социологического проекта, сформулированного Контом. Но есть весьма удачный пример обратного движения. Он касается создания качественных методов социологического исследования[7]. Жесткая критика позитивизма как методологии в философском направлении социологии вылилась в успешную попытку создать инструментарий совершенно непохожий на тот, который применялся в классических опросах и иных методах, созданных с опорой на здравый смысл. Философские инсайты относительно сложности человеческой природы, роли подсознания и многомерности коммуникаций между людьми вылились в создание совокупности методов для социологической эмпирики. В ходе их создания часто применялась неуместная научная логика, согласно которой эти методы должны стать единственно возможными, так как только они базируются на правильной, единственно верной методологии, отражающей всю сложность общественного мира. На практике выяснилось, что сфера применения качественных методов ограничена, и их существование отнюдь не отменяет применимости и эффективности традиционных позитивистских методов. Но все равно, можно констатировать, что на пути от теории к практике в рамках социологического проекта было сделано нечто вполне конкретное и действенное, хотя бы в какой-то мере напоминающее паровую машину или технологию изготовления искусственного каучука.

Чтобы завершить примеры союза теории и практики и показать, что часто такой союз способен направить мысль ученого в интересном направлении и вылиться в создание новой философии или технологии, обратимся к совсем недавнему прошлому. Американский исследователь М. Грановеттер, обобщив данные многочисленных социометрических исследований и проведя в предместьях Бостона

---

[7] *Семенова В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.

свое собственное, пришел к выводу о силе слабых связей[8]. Выяснилось, что решать судьбоносные вопросы жизни (найти работу, подобрать недвижимость и др.) человеку очень часто помогали не близкие родственники или друзья, а люди, с которыми у человека было "шапочное знакомство". Этот вывод, полученный из эмпирических данных, с очевидностью обладал философской красотой (доказательно противоречил здравому смыслу) и сегодня стал в ряд с протестантской этикой Вебера, социологизмом Дюркгема, "общиной и обществом" Тенниса и др. В данном случае важно то, что открытая закономерность не может быть названа незначительной, она вполне обоснованно претендует на глобальность и в какой-то мере оправдывает эту претензию. Но и эта концепция также уязвима с точки зрения практического использования и прогнозирования, как и все остальные философские сентенции. Любой человек может задать вопрос: а всегда ли слабые связи эффективнее сильных? И ответ на этот вопрос не будет однозначным.

В США с их индивидуализмом люди действительно обладают множеством слабых связей, некоторые из них иногда срабатывают для того, чтобы решить определенные, важные для человека проблемы. Открытая закономерность оказывается столь привлекательной потому, что западный стиль жизни сегодня стал очень быстро распространяться по планете. Сегодня многие люди и в России, и в странах Азии и Латинской Америки имеют по большей части слабые связи. Друзей очень мало, с родственниками не общаются, соседей не знают. Поэтому даже если удачный вариант покупки дома или машины предложит сосед, в современных условиях это можно считать "силой слабых связей".

А какие слабые связи были в первобытном обществе? Да и в маленькой русской деревне почти все связи окажутся сильными, ежедневными и определяющими поведение человека. Поэтому закон о "силе слабых связей" опять-таки нельзя считать сколь-нибудь универсальным. В странах с сильным институтом семьи — Греции, Италии, мусульманских странах — картина может быть совсем иной. И даже если человек, который считает себя прежде всего представителем какого-то рода, тейпа или семейного клана, не так часто взаимодействует с его главой, он никогда не назовет эту связь слабой. А ведь часто во многих мусульманских странах (в том числе и в бывших республиках СССР) именно он, глава рода или старейшина, регулирует вопросы покупки недвижимости или трудоустройства.

---

[8] *Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

О некоторых причинах общей неудачи

Как и по отношению к любому иному вопросу, имеющему философскую подоплеку, однозначного ответа на вопрос о неудаче социологии как проекта дать невозможно. Собственно, и вопрос этот имеет смысл только в рамках представленных выше рассуждений, с которыми очень многие не согласятся. Для очень многих людей социология все равно представляется полноценной наукой. А если сам вопрос вызывает возражения, то что говорить об ответах на него. Тем более, что эти ответы — и абстрактные, и конкретные — вполне очевидны.

Самое общее и в значительной степени философское объяснение того, что произошло с социологией как проектом эпохи модерна, сводится к инерциальности общественных процессов. Это объяснение созвучно эволюционизму как методологии в экономической теории и социальной мысли. Общественная реальность — это не податливая глина, из которой можно создать все, что хочется ученому (и даже правителю, менеджеру). Если теория и практика развивались параллельными, не пересекающимися путями тысячи лет, просто взять и скрестить одно с другим не получится. Существует инерция, которая в данном случае по большей части заключается в слабой востребованности одного другим. Те, кому платят за конкретные результаты исследований, не слишком заинтересованы в витиеватых теоретических построениях и выведении каких-то общих законов. Например, практикам нужно опросить электорат в каком-то округе и точно понять, за кого люди будут голосовать на предстоящих выборах. Причем тут вопросы о том, верна ли позитивистская методология, или как, исходя из результатов, вывести вечную формулу политического поведения. А если поставить вопрос об эмпирической конкретизации методологии или формулы, то что получат от такой конкретизации политики и члены избирательной комиссии?

С такой трактовкой базовой причины общей неудачи создать интегрированную теоретико-эмпирическую социологию связано еще одно общее объяснение — отсутствие синергетического эффекта. Во всех сферах жизни он наступает непредсказуемым образом. Конт надеялся, что в области социального познания он будет всеобщим, и целостная социология состоится. Но выяснилось, что синергетические эффекты от союза теории и практики, если и есть, то носят частный характер. В принципе их много. То что-то, разработанное в теории, поможет решить некую практическую задачу, то данные опроса или наблюдения натолкнут ученого на некие общие мысли об общественной реальности, ходе истории или природе современ-

ности. Главное, что можно констатировать, универсального синергетического эффекта от союза двух направлений в социологии нет.

Более конкретные объяснения касаются конкретных параметров реализации социологического проекта. И, конечно, первое, что приходит на ум, когда речь заходит о таких параметрах, это затраты. Для того чтобы подтвердить общую закономерность, нужно проводить глобальные, буквально, всемирные исследования. Чаще всего такое исследование нужно провести не одно, лучше несколько раз подтвердить истинность закономерности в разное время. А таких денег попросту ни у кого нет. И тут возникают две ситуации. Ученый может "рискнуть" сформулировать красивую и близкую ему по духу закономерность без эмпирической базы. При этом другие ученые и простые люди, ознакомившиеся с ней, могут в нее поверить или не поверить, принять ее или не принять, что собственно свойственно всей философии. В другом случае будут произведены фрагментарные исследования, и закономерность из красивой и всеобщей превратится в частную, абсолютно истинную, но лишенную какой бы то ни было научной привлекательности. Она будет гласить, что в это время и в этом месте люди действительно поступают именно таким, а не иным образом. Очень часто ситуация с ней начинает напоминать известный анекдот про математика, который на призыв летящих на воздушном шаре сказать, где они, с абсолютной точностью отвечает: "Вы на воздушном шаре!".

Второй параметр, тесно связанный с первым, — это бесконечное количество общественных ситуаций во времени и в пространстве. Общественный мир исключительно многообразен, а изменения в нем часто носят спонтанный характер. Тем самым подавляющее большинство, а, может быть, и все закономерности работают только на части социальной реальности. Осознание этой очевидной истины появилось у реализаторов социологического проекта давно, хотя новые реалии все время добавляли в нее дополнительные нюансы. Последней такой реалией стала глобализация, сделавшая очевидной культурное разнообразие жизни на планете. Конт и его непосредственные последователи в своих изысканиях все-таки ориентировались на европоцентричный мир. И в таких условиях их вера во "всеобщие законы" (а на деле — в законы европоцентричного мира) была в какой-то мере оправдана. Сегодня разнообразие культур и быстрое их изменение от взаимодействия друг с другом многократно умножили количество возможных ситуаций.

На исчислимое многообразие ситуаций традиционная наука всегда отвечала ситуационным или вероятностным подходами. Так было и с социологией. Еще до 1990-х гг. многие верили, что смогут

описать все возможные ситуации, скрещивая ограниченное число факторов их отличающих, и для каждой ситуации адаптировать общую закономерность. В постиндустриальную эпоху стала очевидна тщетность таких попыток. Ситуаций в обществе не просто много, их бесконечно много. А если это так, то по определению невозможно (не просто дорого, а именно невозможно) провести все сопутствующие эмпирические исследования, чтобы подтвердить общий закон.

Наконец, еще одной традиционной причиной того, что произошло с социологией, служит свободная воля отдельных людей. Эта причина может также служить и оправданием глобальной неудачи. Конечно, инициаторы проекта считали, что с социологией человечеству будет лучше, чем без нее. Она избавит людей от ошибок, сделает общество лучше, а отношения в нем более гармоничными. Время возникновения социологического проекта было временем безапелляционной и некритичной веры в силу разума. Все преобразования, которые инициировал на земле разум человека, рассматривались как преобразования к лучшему. Но уже в XX в. стало понятно, что даже воздействие на "бездушный" природный мир может иметь массу негативных последствий. Прежде всего, это касается экологических проблем, созданных "разумной" деятельностью людей и трансформацией среды обитания в угоду человеческим запросам. Еще более трагическими были последствия веры в силу и истинность социологических теорий.

В ряде случаев, не дождавшись тотального и полностью научного подтверждения той или иной социальной доктрины (или понимая, что такое тотальное подтверждение попросту невозможно), люди начинали жить в соответствии с ней. Если вскрытые этой доктриной закономерности, признаваемые такими же истинными, как законы физики или химии, по отношению к каким-то людям не работали, этих людей нужно было "исправить" или уничтожить. Понятно, что речь идет о расовой теории, воплощенной национал-социалистами в Германии и пользовавшейся популярностью во многих странах мира (в том числе и англосаксонских), и о теории построения коммунистического общества, опробованной в России и множестве других стран.

Выяснилось, что при всем своем благородстве социологический проект изначально был тоталитарен. Он подразумевал, что открытые закономерности будут прокладывать себе путь в истории, невзирая на свободную волю людей. В этих условиях обнаружение несостоятельности этого проекта к 1980-м гг. могло быть воспринято не только с сожалением, но и с радостью. Человек и общество остались загадочными для ученых, и в этом состоит их базовая цен-

ность. Если бы они стали прозрачными для наблюдения со стороны исследователей и понятными для науки, они бы перестали быть тем, чем являются до сих пор, несмотря на всю силу инструментов познания и контроля.

Безусловно, о причинах общей неудачи социологии можно еще много рассуждать. Одни будут представлять ее временным явлением, другие вообще отрицать все сказанное выше как тенденциозное и не имеющее отношения к реальности. Но факт остается фактом: выстроить единую понятную теорию, которая бы объединяла философские размышления об обществе и точные данные эмпирических исследований, не удалось. И сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда уже никто и не хочет по большому счету этим заниматься. Даже признанные мэтры социологии нашего века никогда не будут обладать амбициями Конта, Дюркгейма и всех иных реализаторов социологического проекта по части создания всеобщей доктрины, логически непротиворечиво соединяющей теорию и практику во всех сферах жизни, во все времена и во всех национально-культурных контекстах.

Результаты социологического проекта

Более полутора веков тысячи людей по всей планете реализовывали и реализуют сегодня социологический проект. Несмотря на то что он не достиг своей главной цели, за это время накоплены многочисленные результаты исследований. Одни из них явились вполне предсказуемыми, другие неожиданными, третьи — вообще по своей сути противоречат изначальным замыслам авторов проекта. При этом нужно с известным пиететом и почтением относиться ко всем, ведь за ними стоит интеллектуальный труд совсем неглупых людей, старавшихся сделать что-то полезное для развития общества в целом и его отдельных сфер. Кроме того, некоторые результаты были и остаются достаточно действенными и способными улучшить жизнь людей, избавляя их от ошибок, связанных с незнанием. Просто не нужно тешить себя иллюзией относительно создания “естественнонаучной” концепции общества, в рамках которой все результаты укладывались бы в единую четкую картину и были бы связаны друг с другом непротиворечивыми логическими связями.

По своему содержанию результаты социологического проекта можно разбить на пять групп. Первые связаны с выхолащиванием из него глобального начального познавательного пафоса. Они суть “приземление” социологии до выявления маленьких закономерностей, мало что говорящих об обществе в целом. Вторые связаны

с успехами эмпирической социологии. Они активно применяются в исследованиях политического и потребительского поведения, а также в ряде других сфер общественной жизни. Третьи являются результатом применения методологических принципов детерминизма. В данном случае некоторые успехи в развитии естественных наук дают возможность сказать нечто конкретное об истории и современном состоянии человеческой психики и общественной реальности. Четвертая группа результатов представляет собой неразрешимые однозначно, но хорошо описанные антиномии (в кантовском смысле этого слова). В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда обе стороны антиномии являются истинными и содержат в себе логически непротиворечиво увязанные друг с другом сентенции. На практике они по-разному проявляют себя в разных обществах и культурных традициях. При этом каждая из частей антиномии может служить символом веры как для ученых, так и для простых людей. Наконец, пятая группа носит окровенено "отрицательный" характер. Но, как говорится в известной идиоме, они не престают быть от этого результатами. Просто в дальнейшем их научное исследование представляется изначально обреченным на провал.

Разберем эти результаты по порядку.

Маленькие закономерности как вырождение сути социологического проекта. Стремление увязать крепкими, нервущимися узами теорию и практику никуда не исчезло. Этому во многом способствовало современное образование, превозносящее успехи в области естественных наук и однозначно нацеливающее будущих исследователей именно на такой результат. Но можно констатировать, что в сравнении с XIX в., это стремлении сильно "измельчало". Речь уже не идет о макроуровне социальной реальности, для которого изобретаются всеобщие законы: исследователи сосредоточиваются на микроуровне, а, точнее, на микро-микроуровне. Тысячи статей в высокорейтинговых журналах представляют именно такие результаты. В качестве объектов берутся группы людей или группы организаций, и для них с помощью отработанных методов эмпирических исследований, а также математической разработки результатов создаются закономерности, по своей точности практически не уступающие тому, что есть в естественных науках. Только вот выстроить из таких мини-закономерностей что-то внушительное не получается. В отличие от результатов в физике, химии и биологии они как бы повисают в воздухе, в лучшем случае создавая новый кристалл в калейдоскопе познания. Из них никак не удается построить устойчивую многомерную конструкцию.

Объекты, а, главное, границы этих объектов для таких исследований по большей части выбираются случайным образом: это те социальные реальности, которые находятся в географической близости от исследователя, или то, что видится "актуальным" и на что можно получить грант, или вообще выбор заказчика прикладного исследования. Понятно, что "накрыть" в своей совокупности не только всю социальную реальность, но даже в какой-либо степени репрезентативную часть ее, они не могут.

Вместе с тем, ограниченное количество объектов, которые можно с достаточной точностью описать и обсчитать, дает возможность вывести закономерность (регрессию или что-то еще) с достаточно малой погрешностью. И появляются тысячи статей об эффективности стилей руководства: сначала в фармацевтических компаниях Айовы, а затем в наукоемком кластере Мумбаи, а затем на сборочных предприятиях Китая.

Создание программы SPSS и многочисленных дополнительных программ, позволяющих анализировать базы данных (начиная со знакомого всем Excel-я), многократно укрепило авторов подобных исследований в правоте своего дела. С помощью этих программ всегда можно обнаружить какую-нибудь закономерность, для которой погрешность будет мала. Тут без зазрения совести можно крикнуть "Эврика!" и насладиться триумфом традиционного научного метода. Такой результат воспринимается как подлинно научное знание.

Стиль описания таких результатов представляет собой нечто особенное и стал сегодня по истине "каноническим". Первая половина статьи всегда посвящена описанию подобных маленьких исследований, проводившихся по данной теме ранее. Читателя, который никак не может "дождаться" самих результатов автора, при этом не покидает ощущение, что тот всем этим текстом хочет сказать только одно: "Я не один такой! Это не мне пришло в голову опросить работников минимаркетов в Нижнем Новгороде. Это запрос современной науки. Тем же самым занимались и в Москве, и в Норвегии, и даже в США!" Сами результаты обязательно должны быть представлены в таблицах, диаграммах и схемах, напоминающих то, что делается в естественных науках. А далее следует несколько пассажей о том, что автор осознает ограниченность своего исследования и ни в коем случае не хочет распространить его результаты на какую-нибудь "большую" социальную реальность — даже на всю Нижегородскую область, а тем более на всю Россию. Тут перечисляются многочисленные ограничения, допущения, возможные корректировки, которые одновременно как бы задают вектор будущих исследований, которые непонятно кто, непонятно где, непонятно когда, непонятно

на какие деньги будет проводить. Самое удивительное, что всеми этими рассуждениями автор отдаляет себя от результатов, столь ценимых в науках естественных. Он как бы заявляет, что яблоко не обязательно падает, вполне возможно, могут найтись случаи, когда оно может и взлететь!

Еще одним каноническим моментом, подчеркивающим научную "аккуратность" и квалификацию автора, служит абсолютное отрицание чисто аналитических методов. Даже те положения, которые можно логически вывести безо всякой эмпирики, кажутся в рамках такого стиля изложения подозрительными и требующими в обязательном порядке подтверждения на практике. Вот вполне достойный пример такого подхода. Авторы одной статьи изучали роль семейных династий в политике[9]. Они эмпирически доказывали, что "наследники", обладающие той же фамилией, что и их политические предшественники, имеют ряд преимуществ перед другими политиками. Но далее они пускаются в рассуждения об ограничениях истинности доказанной ими закономерности. Выясняется, что фамилия играет существенную роль в условиях, когда политическая система страны в большей мере ориентирована на личности. Это характерно в частности для США и Филиппин. В том же случае, когда более важную роль играют не личности, а партии, имя политика менее значимо. Это, в частности, можно наблюдать в Великобритании и Норвегии. Казалось бы, все логично и можно на этом успокоиться. Но нет, авторы тут же говорят, что этот вполне логичный вывод требует математического подтверждения посредством множества будущих исследований. Без них он якобы вообще ничего не стоит. Вот так боятся абстрактной логики авторы, создающие "социологические результаты", относящиеся к первой группе.

Результаты эмпирической социологии — массовых опросов и других методов. Это те результаты, которыми может безо всякого стеснения гордиться социологический проект и его реализаторы. Они целиком лежат в русле эмпирики. Полная отстраненность от какой бы то ни было философии дала возможность социологам сделать что-то неопровержимое. Символом таких достижений являются экзитполы на выборах и референдумах. Они дают удивительно точную информацию еще до объявления самых первых результатов. Эту точность реально сравнить с естественнонаучной. Иногда и другие эмпирические методы, используемые для решения очень узкой конкретной задачи (в политике, маркетинге, HR-менеджменте и др.), могут приблизиться по истинности и действенности полученных

[9] *Fiva J.H., Smith D.M.* Political dynasties and the incumbency advantage in party-centered environments // American Political Science Review. 2018. Vol. 112. N 3. P. 706–712.

результатов к технике и технологии, для которых лозунг можно взять из известной песни: “Нажми на кнопку — получишь результат!”

За такой точностью стоит труд многих людей. Отработка методов, дающих точные результаты, требовала таких же усилий, как и изобретение паровой машины, паровоза, самолета и др. Но если о Ватте и Ползунове, отце и сыне Черепановых, Тревике и Стефенсоне, братьях Райт хорошо известно, то о тех людях, которые довели до совершенства социологические технологии, практически не упоминается в учебниках по истории социологии, целиком отданных на откуп философствующим социальным мыслителям. В лучшем случае в курсе статистики или методов социологических исследований упоминается о Дж. Гэллапе. В реальности такое положение вещей полностью противоречит самому духу социологического проекта и подчеркивает неудовлетворенность его результатами со стороны тех, кто видел в эмпирике только базис созидания полноценной “естественной” науки об обществе.

Результаты применения детерминизма. Позитивизм как методология, наилучшим образом отразившая изначальный замысел социологического проекта, поначалу давал и самые впечатляющие результаты его осуществления. Это относится к детерминистским теориям или, как их еще называют, теориям одного фактора. К концу XIX столетия были выявлены многочисленные факторы, влияющие на развитие общества. По своей природе они очень разные, и некоторые из них только запутывали поиск реальных причин социальных явлений и процессов, а также невольно уводили ученых в русло чистой философии, не прибавляя никакого точного знания (например, психологический детерминизм, или детерминация исторического развития ролью великих личностей). Но были и те факторы, изучение которых давало и истинные, и, что не менее важно с сегодняшней постмодернистской точки зрения, интересные результаты. Это относится к тем факторам, которые сами по себе изучаются естественными науками. Такие виды детерминизма в некотором скрытом виде существуют и поныне и время от времени предоставляют очень важную информацию о человеке и обществе. Наиболее значимы и востребованы два вида детерминизма — биологический и географический (он же климатический, территориальный, пространственный), хотя могут возникать и некоторые другие, связанные с развитием соответствующих отраслей науки.

Сразу следует оговориться, что некоторые из видов детерминизма, связанных с естественными науками, опять-таки уводили социальных мыслителей в дебри чистой философии и были столь мало доказательными, что работали во многом против детерминиз-

ма как такового. Здесь стоит упомянуть попытку объяснить самые разные исторические события — массовые перемещения народов, "всплески пассионарности" — взрывами больших звезд и другими астрономическими событиями у Л.Н. Гумилева[10]. При всей наукообразности таких объяснений они сводили на нет все усилия выявить в общественном пространстве неопровержимые вещи, во многом уподобляя социологию астрологии (столько популярной на Востоке, но по всей своей сути противоречащей естественнонаучному базису, который подводили инициаторы модернистского проекта под социологию).

Но вернемся к двум наиболее важным типам детерминизма. Биологический детерминизм представлен множеством вариантов, определяемых развитием различных подотраслей биологии как науки. Его историческое развитие было омрачено прямым перенесением принципов естественного отбора на людей (ранние варианты социалдарвинизма) и примыкающей к нему расовой теории. В результате биологический детерминизм на какое-то время снискал себе репутацию антигуманного и даже в какой-то мере "живодерского", "человеконенавистнического". Почти всюду социологи стали утверждать, что от природы все равны, личность — это продукт исключительно социальных отношений, психические расстройства имеют прежде всего общественную природу. И это было сделано несмотря на то, что в каждом поколении появлялись миллионы людей, имевших умственные отклонения от рождения, и эти отклонения не давали им нормально обустроить социальную жизнь. Даже это сугубо отрицательное, но очевидное влияние биологии на общество должно было бы подтолкнуть к тому, чтобы более внимательно отнестись к этому виду детерминизма.

В современных реалиях новое дыхание он обрел благодаря расшифровке генома человека и пристального изучения роли отдельных генов, исследований гормонов, высших приматов, многолетних наблюдений за близнецами и др. Выяснилось, что в русле естественнонаучного изучения следствий биологических различий можно вывести ряд вполне точных закономерностей. Они опять же будут небольшими, но несравнимо более эвристичными, чем результаты первой группы. Вот хороший пример. Как ни пытались сторонники принципиального отрицания социальных различий между мужчинами и женщинами развеять стереотип о том, что в большинстве случаев "топографическим кретинизмом" страдают женщины, этого не получилось. Исследования только подтверждали это. А исследо-

[10] *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М., 1994; *Он же.* Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001.

вания проводились именно в духе биологического детерминизма. Выяснилось, что ключевые зрительно-пространственные функции у мужчин сосредоточены в правом полушарии, а у женщин распределены по двум полушариям, а это не так эффективно. Кроме того, оказалось, что ориентация в пространстве связана и с количеством тестостерона в крови. Социальное оказалось неразрывно связано с биологическим. Понятно, что это связь частная, и некий социальный отбор мог в свое время повилять на биологию. Женщинам в древности никогда не приходилось охотиться, отправляться в дальние походы и искать долгий путь домой — в пещеру. Это были мужские задачи, в то время как женщины сидели в своих жилищах и прекрасно ориентировались в них. Понятно, что этих навыков как раз не хватает большинству мужчин, способных часами искать носки и тратящих несколько дней в году на поиски пультов от телевизора, кондиционера и др. Но факт остается фактом, в настоящее время во многом именно биология детерминирует наличествующее социальное различие. И это только один пример.

Географический детерминизм столь же разнообразен, как и биологический. Он возник еще до провозглашения Контом социологического проекта. И до сих пор закономерности, выведенные ранними его сторонниками (в частности, Ш. Монескье) безо всяких эмпирических исследований и анализа глобальных баз данных, не теряют своей привлекательности. Так, никто не отрицает, что именно благоприятные природные и климатические условия Балканского полуострова позволили именно там развиться такой важной для всего человечества Древнегреческой цивилизации. И, действительно, вряд ли она могла возникнуть за полярным кругом или у экватора. При этом следует отметить, что целенаправленные исследования климата имеют не столь давнюю историю. Только сейчас и во многом благодаря суперкомпьютерам удается проникнуть в тайны изменения климата в разные эпохи на планете. Соотнесение их с общественными событиями уже сегодня прояснило ряд исторических явлений.

Более понятный, что называется “бытовой”, детерминизм можно наблюдать в потребительском поведении. Так, в США молодой человек или девушка уже в достаточно раннем возрасте может иметь недвижимость, взятую в ипотеку. Это связано, прежде всего, с относительно невысокой ценой земли в большой по территории стране. В Японии же, чтобы купить самую маленькую квартиру, нужно работать десятилетия. В результате американцы в молодости не могут расходовать большие деньги на одежду, обеды в дорогих ресторанах, экзотические развлечения. Все средства уходят на оплату дома. А японцы как раз в молодости активно приобретают

одежду и аксессуары самых дорогих брендов и тратят деньги на разного рода удовольствия. Они понимают, что даже если будут во всем себе отказывать, сэкономят только на полметра площади. Во многих европейских странах, где земельные ресурсы ограничены, и недвижимость стоит дорого, многие представители среднего класса так же, как и в Японии, проживают в съемном жилье. Такая географическая особенность определяет важнейший параметр рынка труда. Съемное жилье увеличивает территориальную мобильность населения, что положительно сказывается на уменьшении безработицы. Европейцы легко перебираются туда, где есть работа, ведь им не нужно при этом продавать и покупать квартиру или дом.

Очевидно, что в будущем нехватка ряда природных ресурсов — в частности воды — на определенных территориях способно существенно повлиять на развитие общностей, сформировавшихся и живущих на них.

Примеры "научно верифицируемого" влияния географии и пространства на то, что происходит с людьми, можно продолжать и продолжать.

Почему же все это опять-таки не находит должного места в структуре современного социологического знания? Виной всему глобальный исследовательский пафос, с которым был начат социологический проект и о котором уже говорилось ранее. Убедившись в том, что ни один из факторов "в одиночку" не сможет объяснить перипетии общественного развития, социологи стали предлагать теории, в которых сочетались несколько факторов, а порой и все. В свое время к этому призывал П. Сорокин. В результате получилась полностью ненаучная, но совершенно истинная картина происходящего. На общество влияет все — и климат, и географическое положение, и генетика людей, и их психология, и войны, и даже "вожди народов". Все абсолютно истинно, но абсолютно бесполезно.

В свое время социологи не увидели эвристической природы подлинного детерминизма или теорий одного фактора. Сегодня в эпоху постмодерна трезво мыслящие ученые возвращаются к этим направлениям исследований[11]. Но они идут не столько в русле, сколько вопреки общему тренду, заданному социологическим проектом. Поэтому социология очень неохотно вбирает в свою структуру междисциплинарные наработки, хотя понятно, что именно они обладают той степенью истинности, которую требовали от социологии ее основатели. Исследования генетиков, биологов и климатологов

---

[11] *Орланов Г.Б.* Социальный детерминизм. Методологические основания теории и практики управления. М., 2012.

очень редко включаются в курсы социологии, их социологи изучают, что называется, на досуге и часто в тональности, которую задают современные СМИ и социальные сети: “Британские ученые доказали… Ну и молодцы!”

Социологические антиномии. Развитие социологии имело своим результатом формирование множества антиномий. Сама по себе антиномия представляет собой подлинно диалектическое представление об истине. Если в соответствии с обыденным сознанием, здравым смыслом и формальной логикой реальность может быть либо черной, либо белой, то, согласно антиномии, реальность и черная, и белая одновременно. Разные люди уделяют внимание одной из противоположных сторон антиномии. В этом случае на одном полюсе антиномии можно построить абсолютно логичную концепцию, части которой будут тесно увязаны друг с другом. Но при этом нужно понимать, что в то же самое время такая же непротиворечивая концепция будет формироваться на другой стороне антиномии.

Антиномии[12] представляют собой важнейшие результаты философского направления в социологии. Это существенным образом отличает их от результатов, рассмотренных ранее. Классические антиномии в философии были сформулированы И. Кантом[13]. Г. Гегель, развивая идеи Канта, справедливо отметил, что антиномий великое множество, и они существуют в самых разных сферах бытия и разума. В рамках социологического проекта подавляющее большинство ученых разрабатывало определенные стороны антиномии, веря в то, что им удастся доказать истинность именно этой стороны. Но по прошествии известного времени стала очевидной бесперспективность такой позиции. Вместе с тем, содержащие в себе непреодолимое противоречие, но при этом точно описывающие части общественной реальности, социальные (или социологические) антиномии могут быть причислены к важнейшим наработкам ученых, полученных в рамках социологического проекта.

Коллективизм/индивидуализм, этатизм/анархизм, социальный реализм/социальный номинализм, общество как целостность/общество как конфликт — все эти и множество других антиномий социологии достаточно четко сформировались к концу XX в. Каждая из их сторон была, что называется, “отработана”, приобрела концепту-

---

[12] В самом общем виде, антиномии — это ситуация, в которой противоречащие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование, т.е. невозможно доказать или опровергнуть истинность ни исходного положения, ни положения, противоположного исходному.

[13] *Кант И.* Критика чистого разума. М., 2017.

альное совершенство и своих сторонников. Объективный взгляд на развитие социальной мысли не может не отметить принципиальную невозможность доказать истинность одной из сторон антиномии и ложность другой. Они вечно будут сопровождать познание общественной реальности, подчеркивая присутствие в нем элементов не только и не столько науки, сколько философии и искусства. Подобно последнему, антиномическое мышление утверждает, что мир можно рисовать черно-белым или цветным, в синих тонах или в розовых, сообразуясь с принципами кубизма или реализма. Никто не сможет сказать, что тот или этот рисунок "неправильный", а даже если кто-то и попытается, у художника всегда есть отточенный веками ответ: "Я так вижу!" Точно так же никто не сможет сегодня сказать, что индивидуалисты правы, а коллективисты неправы, что те, кто превозносят в обществе слаженность и скоординированность правы, а те, кто видит в нем противоборство различных социальных сил и постоянную конкуренцию, неправы. Истина находится в самой антиномии, а не в отдельных частях ее.

Границы социального познания — объекты, принципиально не познаваемые научными методами. В своих изысканиях участники социологического проекта в философской его части вольно или невольно пытались затронуть вопросы, которые невозможно решить даже антиномическим способом. Это и смысл жизни, и природа счастья, и сущность добра, гуманизма, творчества. Иногда высшее предназначение социологического проекта виделось в том, чтобы социология с ее точными научными результатами стала базисом для этики. Но этого не случилось, более того, к настоящему времени сформировалось достаточно точное представление о том, что этого не случится никогда. Все попытки научно обосновать этический выбор провалились. Расширение прав ЛГБТ-сообщества — это добро или зло? Кто лучше строит свои социальные взаимодействия — религиозные люди или те, кто придерживается атеистического мировоззрения? Лучше живут страны, где разрешена или запрещена смертная казнь? Подобные вопросы как бы подразумевали возможность нахождения некой важной научной информации для ответа, но на практике решения, в основе которых лежат этические представления, оказалось невозможным принять, опираясь на данные науки. Мало того, что данные экзитполов или опросов работников нижегородских минимаркетов ничего не дают для формулировки научного взгляда на этический выбор, но и сложные философские построения, содержащие в себе логически выверенный переход от суждения к суждению, в данном случае бессильны.

Ни одна наука, в том числе и социология, не может сделать человека счастливым или добрым. Это важнейший вывод эпохи постмодерна. Он во многом умерил пыл тех, кто считал, что стоит еще чуть-чуть напрячься для получения неких данных о глубинных закономерностях природы и общества, и множество проблем, с которыми сталкиваются отдельные люди и их сообщества, будут решены. Родившаяся по историческим меркам совсем недавно социология во многом именно поэтому может сегодня восприниматься как проект. Его можно сравнить с проектом строительства лифта через центр Земли, если бы тот остался не на бумаге и вызвал бы мощный поток инвестиций в разведывательную и инженерную деятельность. Такой проект мог бы стимулировать активное изучение строения земной коры и более глубоких слоев, из которых состоит наша планета; в процессе разработки технического оснащения могли быть сделаны очень полезные открытия по части механики, гидравлики и др. Примерно такая же участь была уготована социологии. Главное, что своей цели она не достигла, но приведенные выше результаты говорят о том, что проект не был бесполезен. Он многое дал человечеству, но в эпоху постмодерна интерпретировать и представлять эти данные нужно иным способом, совсем непохожим на тот, который существовал, когда проект только начинал реализовываться[14].

Будущее социологии

Несмотря на неудачу социологии как проекта эпохи модерна социология не перестанет существовать в эпоху постмодерна[15]. Причин тому множество, им можно посвятить отдельную статью, которая опять-таки многим, кто не разделяет проектный взгляд на эту науку, покажется излишней. Важно то, что людям нравится называться социологами. А ведь если бы Вебер, Парсонс, Белл и некоторые другие предпочли бы называться философами или экономистами, социология была бы совсем другой, а, может быть, и завершила бы уже свое существование.

Представленные выше результаты социологического проекта во многих сферах и ситуациях востребованы до сих пор. Эти результаты

[14]См.: *Козловский В.В.* Оправдание социологического суждения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С. 5–9; *Паутова Л.А., Фигура А.О.* Проблема сознания и социологическое призвание // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 4. С. 5–21; *Романовский Н.В.* Дискурс кризиса(в) современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 3–12.

[15]*Подойницына И.И.* На подступах к социологии постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 547–551; *Мнацаканян М.О.* Модерн и постмодерн в современной социологии// Социологические исследования. 2008. № 12. С. 46–51.

суть нечто конкретное, ощутимое и полезное даже без общей претензии на доскональное научное объяснение общества. Экзитполы и опросы будут проводить всегда, в новых обстоятельствах люди будут обращаться к социологическим антиномиям, укладывая все новые гирьки фактов и концепций на чаши их интеллектуальных весов.

В эпоху постмодерна ненужными, устаревшими и неистинными будут выглядеть амбиции социологов по части того, что они способны дать очень точное объяснение общественным явлениям и процессам, прогнозировать их развитие, учить политиков и простых людей принимать судьбоносные решения. Социология станет одним из многих других способов познания общества. Наряду с ней, как это было в доиндустриальном обществе, будут вполне уверенно чувствовать себя искусства, религии, обыденное сознание и др. Даже во время реализации социологического проекта в России литература была активным и эффективным конкурентом социологии[16]. Таксисты и учителя, врачи и официанты — все они по природе своей обыденные социологи. Эпоха модерна отказывала личности в том, чтобы иметь свою собственную социологию. Теперь это дозволено. Но такая личная социология никогда не будет обладать пафосом классической науки, хотя для конкретного человека она может предоставлять очень важные и полезные сведения.

Принципиально важным в современных условиях становится вопрос о презентации самой социологии и ее результатов. Как уже говорилось в начале статьи, такая презентация присутствует в курсах и учебниках социологии. Но до сих пор она строится по законам, выработанным еще в начале реализации социологического проекта. В результате тут, грубо говоря, все свалено в кучу — эмпирика и философия, красивые сентенции и описания фактов. Нужно четко отделить эмпирическое направление социологии с соответствующими именами и достижениями от философствования на общественные темы, показать двуединую природу социологии, четко соотнося ее отдельные части не с абстрактными научными постулатами, а со здравым смыслом. При этом нужно показать не только, как формировались идеи об обществе, но и как изобретались принципы и методы эмпирики. Сегодня все интересующиеся социологией знают, что П. Бурдье изобрел габитус[17], а Э. Гидденс — структурацию[18]. Но никто не говорит, что эти "изобретения" имеют связь с изобретениями в технических науках. Это просто введение в оборот новых терминов, коих философия за свою историю ввела

[16] См.: Бизнес в литературе / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2014.
[17] *Бурдье П.* Структуры, Habitus, Практики. Новосибирск, 1995.
[18] *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структурации. М., 2005.

тысячи. А вот об изобретениях эмпириков никто не рассказывает. Например, нужно точно знать, какая компания и когда изобрела SPSS[19], и как это изобретение сказалось на количестве, стоимости и качественных характеристиках опросов. То же самое нужно делать и с другими инструментами, используемыми в социологии. История социологии должна подводить к современному ее состоянию не только в рамках философского, но и эмпирического направления. Дж. Гэллап с его определением выборки и репрезентативности, Э. Роутер с его опросами-омнибусами, А. Кроссли с его методами анализа аудитории СМИ должны встать вровень с Дюркгеймом, Вебером, Парсонсом, Бурдье и др.

Завершение социологии как проекта эпохи модерна и фрагментарность достигнутых социологами результатов не должны смущать или пугать ученых в эпоху постмодерна. Бывают и такие науки! Тем более, что некоторые ее черты можно наблюдать у вполне сформировавшихся наук. Фрагментарность свойственна множеству элементов медицины, одной из древнейших наук, которая сопутствовала всему развитию человечества и чей глобальный познавательный пафос кажется даже более оправданным, чем пафос социологии. Физика и биология сегодня постоянно вторгаются в философские сферы, а в этих сферах всегда присутствуют неразрешимые вопросы и антиномии. В социологии кризис традиционных представлений о науке просто стал более очевидным. Ее современная структура начинает разительно отличаться от иерархии, скрепленной единой логикой идей (а именно так думали о структуре любой науки полтора века назад), и с необходимостью начинает представлять собой нечто похожее на выставку идей и достижений, которые создали люди, называющие себя и признаваемые социологами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бизнес в литературе / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2014.

Бурдье П. Структуры, Habitus, Практики. Новосибирск, 1995.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2020.

Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М., 2005.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001.

[19] На всякий случай для справки скажем здесь, что первая версия этой программы появилась в 1968 г. в Чикагском университете, а с 1975 г. проект выделился в отдельную компанию *SPSS Inc.* Первая версия пакета для Windows вышла в 1992 г. А в 2009 г. компания *SPSS* произвела ребрендинг своего статистического пакета, который теперь стал называться PASW Statistics (Predictive Analytics SoftWare), и в том же году была приобретена фирмой *IBM*.

Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М.–Л., 1963.
Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 2020.
Кант И. Критика чистого разума. М., 2017.
Козловский В.В. Утраты и обретения социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1. С. 25–40.
Козловский В.В. Оправдание социологического суждения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С. 5–9.
Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. М., 2011.
Конт О. Общий обзор позитивизма. М., 2011.
Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
Мнацаканян М.О. Модерн и постмодерн в современной социологии // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 46–51.
Орланов Г.Б. Социальный детерминизм. Методологические основания теории и практики управления. М., 2012.
Паутова Л.А., Фигура А.О. Проблема сознания и социологическое призвание // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 4. С. 5–21.
Подойницына И.И. На подступах к социологии постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 547–551.
Пузиков В.Г., Турченко В.Н. Социология: кризис и парадоксы // Омские социально-гуманитарные чтения — 2015. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Под ред. Л.А. Кудринской. Омск, 2015. С. 119–127.
Романовский Н.В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 3–12.
Рывкина Р.В. Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 197–208.
Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.
Турченко В.Н. Парадоксы и парадигмы современной социологии // Социология в Сибири; состояние и перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-теоретической конференции, состоявшейся в Новосибирском государственном архитектурно-строительном ун-те. Новосибирск, 2003. С. 64–85.
Щербина В.В. О современном состоянии социологической науки. Ч. 1 // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15. № 1(77). С. 60–71; Ч. 2 — там же, 2013, Т. 15. № 2(78). С. 65–74.

REFERENCES

Biznes v literature [Business in literature] / Pod red. S.A. Barkova, V.I. Zubkova. M., 2014 (in Russian).
Bourdieu P. Le sens pratique. P., 1979.
Bourdieu P. Struktury, Habitus, Praktiki [Structures, Habitus, Practices]. Novosibirsk, 1995 (in Russian).
D'yakonov I.M. Urartskie pis'ma i dokumenty [Urartian letters and document]. M.–L., 1963 (in Russian).
Dyurkgeim E. Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etyud [Suicide: a study in sociology]. M., 2020 (in Russian).
Giddens E. Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii [The organization of society. Essay on the theory of structure]. M., 2005 (in Russian).
Gouldner A.W. The coming crisis of Western sociology. N.Y., 1970.

Granovetter M. Sila slabykh svyazei [The strength of weak ties] // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2009. T. 10. N 4. P. 31–50 (in Russian).

Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth biosphere]. SPb., 2001 (in Russian).

Gumilev L.N. Konets i vnov' nachalo [The end and the beginning again]. M., 1994 (in Russian).

Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. M., 2017 (in Russian).

Kont O. Dukh pozitivnoi filosofii: slovo o polozhitel'nommyshlenii [Positive philosophy]. M., 2011 (in Russian).

Kont O. Obshchii obzor pozitivizma [General overview of positivism]. M., 2011 (in Russian).

Kozlovskii V.V. Utraty i obreteniya sotsiologii [The Losses and Acquisitions of Sociology] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 1998. N 1. P. 25–40 (in Russian).

Kozlovskii V.V. Opravdanie sotsiologicheskogo suzhdeniya [Justification of a sociological judgment/] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2000. N 1. P. 5–9 (in Russian).

Krieken R., van. The paradox of the 'two sociologies': Hobbes, Latour and the Constitution of modern social theory // Journal of Sociology. 2002. Vol. 38. N 3. P. 5–273.

Melikishvili G.A. Urartskie klinoobraznye nadpisi [Urartian wedge-shaped inscriptions]. M., 1960 (in Russian).

Mnatsakanyan M.O. Modern i postmodern v sovremennoi sotsiologii [Modern and Postmodern in Contemporary Sociology/] // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2008. N 12. P. 46–51 (in Russian).

Orlanov G.B. Sotsial'nyi determinizm. Metodologicheskie osnovaniya teorii i praktiki upravleniya [Social determinism. Methodological bases of management theory and practice]. M., 2012 (in Russian).

Pautova L.A., Figura A.O. Problema soznaniya i sotsiologicheskoe prizvanie [The problem of consciousness and sociological vocation] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2005. T. 8. N 4. P. 5–21 (in Russian).

Podoinitsyna I.I. Na podstupakh k sotsiologii postmoderna [On the approaches to postmodern sociology] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika. 2008. N 4. P. 547–551 (in Russian).

Puzikov V.G., Turchenko V.N. Sotsiologiya: krizis i paradoksy [Sociology: crisis and paradoxes] // Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya — 2015. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / Pod red. L.A. Kudrinskoi. Omsk, 2015. P. 119–127 (in Russian).

Riley D. The paradox of positivism // Commentary. 2007. Vol. 31. N 1. P. 115–126.

Romanovskii N.V. Diskurs krizisa (v) sovremennoi sotsiologii [Crisis Discourse in Modern Sociology] // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2016. N 4. S. 3–12 (in Russian).

Ryvkina R.V. Paradoksy rossiiskoi sotsiologii [Paradoxes of Russian sociology] // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 1997. N 4. P. 197–208 (in Russian).

Semenova V.V. Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu [Qualitative Methods: Introduction to Humanistic Sociology]. M., 1998 (in Russian).

Shcherbina V.V. O sovremennom sostoyanii sotsiologicheskoi nauki [On the Modern State of Sociological Science] P. 1, 2 // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2013. Vol. 15. N 1(77). P. 60–71; Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2013. Vol. 15. N 2(78). P. 65–74 (in Russian).

Smelser N.J. Sources of unity and disunity in sociology // American Sociologist. 2015. Vol. 46. N 3. P. 303–312.

Summers J.H. The end of sociology? // Boston Review. 2003. N 28(6). URL: http://bostonreview.net/BR28.6/contents.html (accessed: 10.03.2020).

Turchenko V.N. Paradoksy i paradigmy sovremennoi sotsiologii [Paradoxes and Paradigms of Modern Sociology] // Sotsiologiya v Sibiri; sostoyanie i perspektivy raz-

vitiya. Materialy mezhregional'noi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, sostoyavsheisya v Novosibirskom gosudarstvennom arkhitekturno-stroitel'nom universitete. Novosibirsk, 2003. P. 64–85 (in Russian).

Turner S. American sociology: from pre-disciplinary to post-normal. Basingstoke, 2014.

Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. M., 2020 (in Russian).

What is wrong with Ssociology? / Ed. by S. Cole. New Brunswick, 2000.